

ства на всякую неправду, на всю злоупотребленія, исходящія отъ государства. Имено здѣсь, въ церкви, не пренебрегаютъ никакими ухитреніями, дабы доказать, что все, совершающее государственной властью, было отъ начала міра начертано въ книгѣ судьбы, и что лишь тотъ, кто неуклонно исполняетъ волю государства, угодецъ Божеству и можетъ разсчитывать на вѣчное блаженство.

Итакъ, дурно все. Касаясь самой интимной стороны человѣческой жизни,—области любви,—Толстой признаетъ любовь къ близкимъ людямъ только пристрастіемъ. Любить всѣхъ въ одной и той же степени—такова обязанность человѣка.

Отвергая современную цивилизацию, Толстой отрицаеть и мѣры, которыя предлагаются со всѣхъ сторонъ, дабы измѣнить къ лучшему положеніе дѣлъ. Онъ не придаетъ значенія не только тѣмъ мѣропріятіямъ, которая принято считать временными и переходными, но и планамъ, измѣняющимъ общественную жизнь въ самомъ ея основаніи. Повысить заработную плату, сократить рабочій день, внести поправки въ область суда, администраціи, законодательного механизма—значить сдѣлать только мимо-летное, несущественное улучшеніе, которое не укрѣпляетъ здоровья людей и не повышаетъ ихъ нравственности. Обезпечить себѣ то, что уже стало принадлежностью культурныхъ государствъ—народное представительство и, какъ его послѣдствія, улучшеніе правительственноаго строя, религіозную терпимость, свободу печати, законность въ финансахъ,—также не важно, ибо не способствуетъ нравственному усовершенствованію человѣка.

Слабы и безцвѣтны предъ судомъ Толстого даже тѣ мѣры, которая, согласно съ планами соціалистовъ, строятъ общественную жизнь на новыхъ началахъ. Изъятіе орудій производства изъ частной собственности не дастъ человѣку желанной свободы: отпадутъ формы гнета, знакомыя настоящему, но являются новыя, не менѣе тяжкія. Членъ соціалистического общества, разсуждающій Толстой, захочетъ широко развить свои потребности; этимъ людямъ будутъ нужны безчисленные виды производства, которые работаютъ теперь на богатыхъ. А при такихъ условіяхъ нельзя обойтись безъ детальнаго раздѣленія труда, безъ разнообразныхъ фабрикъ и заводовъ. Въ мірѣ будущаго никто не захочетъ производить $\frac{1}{50}$ часть сапога или $\frac{1}{100}$ письменного стола, какъ мы это наблюдаемъ въ современномъ обществѣ. Раздѣленіе труда, доведенное до крайнихъ степеней, возводаетъ на людей такія дробныя работы, которыя обезцвѣчиваютъ личность. А свободнаго человѣка влечетъ ко всестороннему развитію силъ и способностей, которая даровала ему природа. Словомъ, идеалы тѣхъ, кто хочетъ передѣлать общественный порядокъ, неосуществимы, да они, по мнѣнію Толстого, и не настолько высоки, чтобы стоило стремиться къ ихъ осуществленію.

Человѣкъ Толстого долженъ отбросить многочисленныя потребности и привычки, которая сложились въ теченіе вѣковъ. Онъ долженъ опростить себя и въ частномъ быту, и въ общественной жизни. Грубая пища на почвѣ строгаго вегетаріанства, простая обстановка жилища (даже кровати признаются почти роскошью), преобладаніе мышечнаго труда надъ умственнымъ, раздѣленіе работъ простѣйшаго вида, бракъ, нерасторжимый даже въ томъ случаѣ, если супруги совсѣмъ не соответствуютъ другъ другу, отказъ отъ безчисленныхъ произведеній науки и искусства, ибо они отвѣчаютъ только на суетныя влеченія, простѣйшия разсказы, пѣсенки, музыка, какъ средства наполнить досугъ, равно-дружелюбное отношеніе ко всѣмъ, безъ предпочтенія членовъ семьи и другихъ близкихъ людей...

Какъ проста частная жизнь людей Толстого, такъ несложенъ и ихъ общественный бытъ. Обширныя государства нашего времени распадаются на безчисленные мелкіе поселки. Рушатся высокія фабричныя трубы.